

УДИВИТЕЛЬНЫ свойства человеческой памяти. Прочитав в статье «Поединок» о возмутительном случае в Ростовском тюззе, я вдруг вернулся почти на полвека назад, в свое собственное отрочество. И побудили меня сделать это строки в адрес учительницы, которая сидела в зале, видела, как ее ученики глумятся над искусством, над людьми, и не вмешалась. Она промолчала даже тогда, когда прозвучал вопрос, есть ли в зале кто-нибудь из педагогов школы, в которой учится Женя Ф., чья встреча с театром окончилась столь печально. Я спросил себя, могло ли такое случиться в нашей воронежской школе, в нашем старом театре, отнюдь не баловавшем юных зрителей специальным репертуаром, а родителей — театральным всеобщем.

Нет и еще раз нет! Этого не могло произойти не потому, что мы были лучше нынешних пятнадцати-шестнадцатилетних. Мы меньше знали и не видели всего того, что так широко представляют им кино, телевидение, обширные домашние библиотеки, усовершенствованные методы обучения. С высоты прожитых лет я не склонен умиляться своему поколению, далеко от мысли, что в наше время сахар был слаще, а снег белее. Мы были обыкновенные мальчишки и девочки со всеми присущими возрасту сложностями, отклонениями, недостатками. И все-таки я ручаюсь, что ни один из нас не поступил бы, как Женя Ф. И потому только что она была лучше. Она — это наша учительница Александра Ивановна Лепинь. И когда через десять лет после окончания школы, за год до войны, я вернулся в родной Воронеж, как всегда, первое, что сделал, пошел к ней.

Моя учительница одним своим видом словно бы снова вернула меня в прошедшую юность. По-прежнему угловатая, худая, с внимательными строгими глазами, на дне которых пряталось что-то такое, что и сегодня меня, пожилого уже человека, заставляет думать о ней с чувством благодарности и светлой печали.

Как удивительны и пророчески бывают иногда события нашей жизни. На выпускном вечере Александра Ивановна, торжественная в своей скромной белой блузе с галстуком, как-то особенно приподнято читала стихи о мужественной девушке-революционерке, которую за ее любовь к гвоздикам называли Красный цветок. Она погибла в царской тюрьме.

Знали ли мы тогда, могли ли предположить, что эти романтические, грешащие наивной риторикой строки — своего рода предсказание прекрасной и трагической судьбы нашей Александры Ивановны, что ее вырвет из жизни не какая-то абстракт-

ная тюрьма, а ужасающий в своей реальности фашистский застенок. Вместе с ней погибла и ее сестра Ольга Ивановна.

Их допрашивали три дня. Полицай ломал им руки дверью, требовал, чтобы они выдали партизан, назвали, кто собрал подпольный радиоприемник. Он очень хотел унижить гордую «учительку», на глазах у конвоиров растоптать ее достоинство,

репетиций «оря от ума», «Плодов просвещения». Поэтому каждый урок, каждая встреча с ней несли не только программные знания, а сеяли в нас зерна духовности, нравственности.

— А вы знаете, ребята, — как бы невзначай говорила она, — в воскресенье дают «Женитьбу Фигаро». Я видела этот спектакль. Как удивительны Чекмасова и Шебуев в Сюзанне и Фига-

— Спасибо за сообщение. Оставьте, пожалуйста, класс.

И по сей день помню я стыд, пережитый на том уроке, короткую реплику Александры Ивановны:

— Трудно, обладая лишь приятной улыбкой, прожить жизнь, Менглет.

Уезжая в Москву поступать в ГИТИС, я вез рекомендательное письмо к замечательному актеру и педагогу Художественного театра

ей «среднеарифметической» аудитории. К сожалению, я не видел этого спектакля, незнаком с творчеством этого коллектива. Но есть одна истина для всех нас: обвиняя в чем-то школу, семью, мы не можем не думать и о том, все ли театр сделал для того, чтобы его понял зритель. В статье говорится о том, что перед началом спектакля зал был слишком долго погружен в слитную. Очевидно, этот прием был частью режиссерского замысла. Но зрители засвистели, зашумели, воспользовались темнотой совсем не так, как хотелось бы театру, и с самого начала создали атмосферу неуважения к нему. Не просчет ли это, не переборщили ли приемом, хотя это несколько не оправдывает присутствовавших в зале? А имел ли право театр всем строем своего спектакля, обрел ли он это право — вызывать распоясавшихся парней на сцену?

Все мы знаем, что юные зрители часто вмешиваются в спектакль своей эмоциональной реакцией, активно выступая за добро, воюя со злом. А здесь, ставя проблемную животрепещущую вещь о борьбе с насилием и страхом, театр получает в зале обратную эмоциональную реакцию. Выходит, не он развенчал зло, а зло подавило его.

Не так давно я посмотрел в Ленинграде, в Малом драматическом театре, спектакль о молодых американских гангстерах, терроризировавших пассажиров метро. И мне было страшно сидеть в моем первом ряду. Мне, актеру. С такой жестокой убедительностью, с такой ненавистью к злу сделан спектакль, что Жене Ф. и его друзьям здесь было бы не до зажигалки.

Я ничего не берусь утверждать, просто задаю вопросы. Потому что, если злодеи картонны, а убежденность подменена менторством и легкой риторикой, поражение неизбежно. Только гражданская заряженность делает мастерство фактом искусства.

У нас созданы все условия для того, чтобы изжить бездуховность, безнравственность, гармонически развивать человека. Наверное, пора подумать о том, отвечаем ли этим условиям мы сами: учитель, строитель, актер, ученик...

Тут дело не в обвинении. Очень важно, чтобы каждый человек задумался о себе, о том, что он может, должен и еще не сделал, чтобы оправдать и, если угодно, возвысить факт своего существования на земле. Оставить добрый след. Только тогда случаям, подобным тому, что произошел в Ростовском тюззе, не станет места в нашей жизни.

Г. МЕНГЛЕТ,
народный артист СССР.

читатель продолжает разговор

«ПОЕДИНОК» БЕЗ ПОБЕДИТЕЛЕЙ

Это случилось в Ростовском тюззе имени Ленинского комсомола. Группа десятиклассников одной из школ, пришедшая в театр, своим скандальным поведением сорвала спектакль. Неправы оказались и работники театра, применявшие для наказания провинившихся недо-

ленные приемы. Об этом рассказала «Советская культура» 7 декабря 1979 г. в статье М. Костоглодовой «Поединок». Сегодня о ростовском «пединке» и проблеме «театр—школа — жизнь» размышляет народный артист СССР Г. МЕНГЛЕТ.

заставив ее предать; это стало бы оправданием его собственной подлости. Старался он напрасно. После третьего допроса конвоир, содрогнувшийся конвоир отпавив сестер Лепинь водой в ледяном тамбуре. Сами они не могли пить: переломанные руки не держали кружку. Так и погибли молча. До сих пор хранят в том селе память о сестрах и томик Шиллера, с которыми учительница не раставалась.

Когда после войны я узнал о подвиге своей учительницы, все, что связывало нас, преисполнилось для меня каким-то особым, очень важным смыслом. Возникла какая-то спокойная необходимость, мучило, словно невозвращенный долг, желание вспомнить все, что связано с Александрой Ивановной.

Наверное, именно поэтому, прочитав о той, спрятавшейся в зрительном зале учительнице, я подумал о нашей Александре Ивановне. Да, прав автор статьи, говоря, что далеко не всякий педагог может стать духовным наставником молодежи. А ведь именно с этого все и начинается. Курс литературы, который читала нам Александра Ивановна, выходил за рамки элементарного приучения к книге и приготовления уроков. Это всегда было удивительно увлекательно. Сама личность писателя, его духовный мир подавался с такой увлеченностью, на которую способен только очень интеллигентный, талантливый человек.

Она учила нас думать, искать мотивы человеческих поступков и на занятиях школьного драмкружка, во время

ро! Мне хотелось бы, чтобы и вы это посмотрели.

Нас не надо было организовывать, навязывать билеты, водить культпоходом. Мы бежали после уроков в театр, на выпрошенные у родителей деньги, выстаив очередь, покупали билеты на галерку (а не в первые ряды, как Женя Ф. и его одноклассники) и шли в театр, как на праздник. Даже те, кто отнюдь не собирался посвящать себя искусству.

Я никогда не забуду зрительного зала в старом Воронежском театре — бархат и лепнина делали его уютным и бесконечно таинственным. Я смотрел на бордовый занавес, слышал, как затихает зал, и ждал чуда. А потом вдруг замечал, что из глубины темнеющего зала на меня и моих товарищей, поблескивая очками, глядит Александра Ивановна, пришедшая «сама по себе». Она кивком здоровалась с нами, и просто невозможно было крикнуть ей: «Здрасьте, Александра Иванна!» Невозможно было вести себя развязно, ерничать, представляться, как не станешь этого делать, скажем, в библиотеке, где настраиваешься на встречу с книгой, на серьезную работу.

Да, мы были менее образованны. Но учителя наши были людьми подвига. За каждое свое высокое слово они отвечали своей жизнью. Рядом с ней мы все время чувствовали, что должны быть достойными во всем. Стоило одному из моих товарищей попытаться на уроке подсказать мне что-то, как Александра Ивановна немедленно останавливала его:

Василию Васильевичу Лужскому — мне его дала Мария Сергеевна Иванова, племянница Константина Сергеевича Станиславского. Я все-таки не воспользовался им, потому что в последний момент почувствовал, что должен поступить в театральный институт без чьей-либо помощи, сам. Александра Ивановна знала о письме Марии Сергеевны. Она верила в мои способности, считала, что нужно привлечь внимание ко мне. Но тем, что я не обратился к Лужскому, я обязан ей.

Прошли годы, мои сверстники избрали разные пути и профессии, но и Великая Отечественная война, и дальнейшая жизнь показали, что уроки Александры Ивановны определили нравственную суть каждого из нас. Вот почему мне кажется, что вина Жени Ф. и ему подобных тесно сплетена с бедой, а беда в том, что школа и учителя не выполнили по отношению к ним своего предназначения.

Но, размышляя об этом, делая столь серьезные выводы с точки зрения бывшего школьника, а потом отца школьников, я не могу забыть и о том, что я актер. А это значит, что мне надо из зрительного зала подняться на сцену и поставить себя в то прискорбное положение, в котором оказались мои ростовские коллеги.

Горестный случай, происшедший в Тюззе, к сожалению, из частного перерастает в тревожное явление воспитательно-нравственного характера. Он еще раз говорит о том, что театр работает, творит не для неко-

Соб. культура, 1980, 1 февр.